

**Елена ЕРОФЕЕВА-
ЛИТВИНСКАЯ**

Родилась в Москве в семье деятелей науки. Закончила театроведческий факультет ГИТИС им. Луначарского. Автор нескольких сотен публикаций в прессе. Вошла как персоналия в энциклопедию «Русский балет» (БСЭ, «Согласие», 1997). Автор документально-художественных книг: «Сергей Захаров. Роман-биография» (Вест-Консалтинг, 2009) и «Сценарий для богини. 11 сенсационных историй о любви» (РИПОЛ Классик, 2009). Одна из авторов сборника исторических новелл «Русские богини» (Аст-Пресс Книга, 2005, 2007, 2010). Автор книги стихов «Февральские цветы» (Вест-Консалтинг, 2008) и 17 поэтических сборников в соавторстве (Поверенный, 2007 - 2009). Одна из авторов-составителей сборников стихов «Поэзия творчества» (Поверенный, 2008) и «Загадки души» (Поверенный, 2009). Победитель поэтического конкурса интернет-журнала «Эрфоль» и конкурса «Новые имена» в номинации «поэзия» Международного Союза писателей «Новый современник» (2008). Лауреат Всеукраинской Независимой литературной премии «Арт-Киммерик» (2008). Лауреат Международного поэтического конкурса «Серебряный Стрелец» (2008, США). Лауреат Международного литературного фестиваля «Русский Stil-2009» в номинации «стильная проза». Член Союза писателей России и «Союза писателей XXI века». Награждена премией и медалью им. А.П. Чехова «за верное служение отечественной литературе».

ПИАНИСТ

Ещё Шопена мне сыграй,
Пусть звуки приподнимут душу,
Преобразят земную сушу
В далёкий невозможный рай.
Весь мир тобою изменён
Движеньем точным гибких пальцев,
Неуспокоенных скитальцев
В октавах призрачных времён.
Затеяв звучный разговор,
Ты мне нечаянно подаришь
Смятенье чёрно-белых клавиш,
Их равновесие и спор.
Пусть звуки царствуют и длят
Мгновение блаженной сути,
Где век тождественен минуте,
Где нас когда-нибудь простят.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Унизаны кольцами пальцы,
Браслеты звенят серебром,
Волос, разлетевшихся в вальсе,
Касается Ангел крылом.
Подобно мятежным кометам,
Стремясь из родного гнезда,
Ты снишься влюблённым поэтам,
Марина, морская звезда.
Ещё не написаны строки
Про жаркую горькую гроздь,
Но кем-то отмерены сроки,
И в стену впивается гвоздь.
Всё ведаёт Божия птаха,
Отправившись в вольный полёт:
Что ей уготована плаха,
Что шею петля захлестнёт.

Я НЕ ВИЖУ ТЕБЯ ВО СНЕ

Я не вижу тебя во сне,
Я домой не несу цветы,
В этой трижды пустой Москве
Забываю твои черты.
В веренице бегущих дней
Растворяется тайна двух.
Я прошу: назови своей
Хоть вполголоса, хоть не вслух.
К чуть подмёрзшему витражу
Осень льнёт расписной листвою.
Не своя, не твоя брожу,
Хоть на миг ты меня присвой!
А иначе — ни жизнь, ни смерть,
Ты ведь знаешь — я всё отдаю,
А иначе — ни синь, ни твердь,
Вот и маюсь — ни здесь, ни там.
Оттого так невесел взгляд,
Оттого не найдёт покой
Это сердце, что век назад
Ты согрел под своей рукой.

ПОДРУГА ОСЕНЬ

Не грусти, подруга золотая,
И не верь предчувствию беды.
В низком небе птицы, улетаю,
Оставляют лёгкие следы.
Осень, не жалею о невозвратном,
Всё идёт извечным чередом.
По утрам в густом тумане ватном
Плавают прохожие с трудом.
Успокойся, отдохни немного
От весёлой летней кутерьмы —
Предстоит нам долгая дорога
В царство заколдованной зимы.
Время есть поразмышлять о вечном,
Звёздная спустилась пелена...
Осень, скоротаем этот вечер
За бокалом терпкого вина.

ФЕВРАЛЬСКИЕ ЦВЕТЫ

Мы встретились в концертном зале —
Летели над Невой мосты,
И розовым огнём мерцали
Февральские цветы.
Скрывался день неровным бегом
В заснеженном пустом дворе,
И сумерки сплелись со снегом
В причудливой игре.
Сгорал в объёмах ночи запад,
И стебли влажные цвели,
Изнемогая от внезапно
Нахлынувшей любви.

МНЕ ЖАЛЬ

Мне жаль, что кончились слова
Твоей любви.
Но я по-прежнему жива,
И ты — живи.
Мне жаль, что жар всё холодней,
Всё реже пульс...
И мне, наверное, видней, —
Я не вернусь.
Ни в чем признаться не хочу,
Одна, в ночи,
Я затаилась и молчу,
И ты — молчи.
История, как мир, стара —
Сбежать от встреч,
Ведь мимолётная игра
Не стоит свеч.
Не развернуться кораблю
Да на мели...
Чтоб всё простилось нам, молю,
И ты — моли.

С ДЕРЕВЬЕВ ЛИСТЬЯ ОБЛЕТЕЛИ

С деревьев листья облетели,
Но, по-особому права,
Назло кружащейся метели
Сияет зеленью трава!
И не стесняюсь голых веток,
Над ним сомкнувших потолок,
К едва пробившемуся свету
Упорно тянется росток...
Так и душа — в последнем рвенье
Ещё немного довести
Лелеет каждое мгновенье
В разжатой времени горсти,
Не хочет верить близкой стуже
И полумраку тяжких дней,
Затягивает пояс туже,
Чтоб быть, как девочка, стройней.
Так весела морозной ранью!
Так молода в своей мечте!
Сопротивляясь умиранью,
Оцепененью, темноте...

Всемирный клуб
петербуржцев

Вячеслав МОРГАЧЕВ (Шлейф)

Живёт в Москве. Искусствовед, закончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина Российской Академии Художеств в Санкт-Петербурге. Основная деятельность: охрана культурного наследия, музееведение. Творческая деятельность: поэзия, публицистика, литературное редактирование, фотография, подсобка в живописи. Основные поэтические печатные издания (персональные сборники): «Блики» (изд-во «Информ-Знание», М., 1999), «Шлейфы» (изд-во «Утро-Morning», М., 2000), «Рось» (изд-во «Утро-Morning», М., 2000). Работает в Российском комитете Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест ЮНЕСКО.

парусія

вой, ветер вольный, по Руси ... я -
звон колокольный, веры бой
незримо длится ... Парусия,
судьба осознана тобой?

не раз истерзана Россия ...
зов издан ангела трубой,
цель обозначит Парусия,
простор небесно-голубой,

тяжёл вселенский крест России,
пути теряются во мгле,
надежда светит Парусии,
ассист сияет на игле,

воспрянет Радости Россия
в порыве к Правде, с давних пор
белеет парус ... Парусия,
добра и зла закончит спор

ЗАЧЕМ

хранить хрусталь
разбитых луп,
закрывать уста ль,
поджать ли хлуп?

любовь спортивно-деловая,
где трон отверженной для души,
зачем твержу вражды слова я
из поэтической глуши,

зачем растрочу, Ра, талант
на блеск сомнительных созвучий,
не лучше ль было, как атлант,
стиль удержать стиха певучий,

зачем невидимые цели
волнуют вольного стрелка,
зла потолки в росе просели,
река забвения мелка,

зачем зову тоску, клошар,
волк одинокий, в холод воя,
держа в руках, как кукла, шар —
плод одичавшего подвоя,

зачем веду я скорбный список
души израненной потерь,
шкодливый кот у ржавых мисок,
зря ждущий жаренных тетерь,

зачем последняя любовь,
моя прощальная награда,
вернешь сгоревшее ли вновь?
пришло письмо из Небограда.

дай мне надежду напиток,
скорби с души соскобли,
счастья шального крупница,
к Небу плывут корабли.

САБЛЯ

“Перерублено тело,
и за конницей пыль...”
Жгучей водки бутылъ,

скрип сапог иступлённый,
тесной комнаты мрак,
пьёт старик озлоблённый,
курит жадно табак.

“Юнкеров мы рубали
на скаку пополам,
а курсисткам воздали
по их бабским полам...”

Отупело и дико
смотрят в пропасть глаза.
“Вот поди, упреди-ка,
навернулась слеза...”

Окровавленной сабли
рукоять на стене,
и скребут руки-грабли
кучи трупов во сне.

Спасительную благодать
меешь простирать,
своих братоубийц,
мать-Россия, прости рать.

КАРИЛЬОН

объявлено - идёт «закат Европы»,
и претов прочих участь не проста,
у парашюта перетёрты стропы,
звезда восходит торного креста,

рубеж омега занят обороны,
в огне бесцельно бродит почтальон,
погибли в битве верные бароны,
к Луне ушёл последний батальон,

обречены гвардейские резервы,
бесчисленны лакеи «сотоны»,
зря расплодили толпы филлоксера вы,
отряды ждут небесной астаны,

когда пойдёт предсмертная минута,
за наши души стихнет, асса, бой,
над головой поднимет Камень Ута
и поведёт поэта за собой,

разрушен храм в Кальтабелотте,
ключи сакральные в болоте,
следы бессрочного коллапса
не описать под рюмку шнапса,

трава засохшая в крови,
напрасно души не травы,
скрыт лунный путь, луга душисты,
пошли на смерть ни фетишисты,

ешь поминальные блины,
в кольце огня истреблены,
но прорвались в бою без даты
к тропе убитые солдаты,

небесный плод засох в зачатке,
в крови зеленые перчатки,
срок испытания продлён,
к Луне ушёл погибший батальон,

“кропать стишки - что за причуды
в преддверии космической резни”,
“исчерпан рок писца-зануды,
с травинки каплю радости слизни,

в душе проделай хакакири,
себя забудь, весь мир приобрета ... “
поэта путь - как по секире
к Луне идёт наивное дитя,

уже сданы последние редуты,
на пустоше воскресший батальон,
черёд придёт карающей минуты,
и прозвучит победно карильон,

оставь игру, себя не переспорить,
вставай с мечём — орла оплата бой,
пора коня понурого прищипорить,
и полетит победа за тобой!

ЕЛЕНА ПАВЛОВА

Родилась и живёт в Москве. По образованию инженер-физик, окончила Московский энергетический институт. В настоящее время занимается психологией в Школе Причинности основанной доктором философии В.П.Гочем, нумеролог. Член Союза Писателей России, творческого совета Международной Ассоциации Граждан Искусства (МАГИ), Союза писателей XXI века. Является автором книг стихов «Я люблю этот мир» (2009), «Восточный ветер» (2010), «Лодка» (2011)

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

После дня вечернею порой,
Под защитой собственного рая,
Как паломник путь я совершаю
Следом за бессмертной строкой.

Пролегла морщинка меж бровей,
С шорохом страниц ушла усталость,
Нет поэта, а душа осталась,
В тишине беседует с моей.

Принимая исповедь стихов,
Я сама невольно очищаюсь,
Плачу и смеюсь, а после каюсь,
В этот миг я ближе к ним всего.

Проникает сквозь меня поток,
Связь времён, стараясь не нарушить,
Я в ответ записываю душу
В строчки, что ложатся на листок...

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ЧЕРНОВИК

По вертикалям старых стен
Стекают капли белой соли,
Так много подлости, измен,
Ещё невыплаканной боли.
Так много «взрослых» детских глаз,
Следов от пуль, достигших цели,
А сколько слов, красивых фраз
Не дописали, не допели.
Как жизнь с обратной стороны
Луны, похожей на монету,
Или защитные очки
От правды солнечного света.
Цена всему — фальшивый грош,
Здесь правят тени, а не люди:
Всё поглощающая ложь
Психически незрелой сути.
Предсмертный сон уже проник,
Там за пределом продолженья,
Но не сгорает черновик
Несовершенный, к сожаленью...

Я НЕ ВЕРЮ В СЛУЧАЙНОСТЬ

Л.М.
Ты прости меня, милый,
Что я мало любила,
Что скупилась на ласку
И была холодна.
И за мелочи жизни
Очень часто корила,
Выпивая обиды
До самого дна...
Ты прости, дорогой,
Если сильно любила,
Если в страсти сгорая,
Забывала себя.
И открытое сердце,
Как надежду дарила,
Согревая в холодной
Разлуке тебя...
В проходной суете
И в исканьях порою
Жизнь людей так похожа
На шумный вокзал.
Я всё больше тоскую,
Расставаясь с тобою,
Словно поезд отходит,
А ты опоздал...
Может, мы разгадали
Какую-то тайну,
Проникаясь друг другом,
Или просто срослись.
Понимаешь, любимый,
Я не верю в случайность,
Мы как две половинки
В этом мире нашлись...

НЕИССЯКАЕМАЯ ЧАША (романс)

Есть женщины, как праздник,
есть, как грусть,
Пытаюсь выбрать между, середину,
Уже тебя я знаю наизусть,
А ты открыл во мне лишь половину.

Есть женщины, как лето, как зима,
Всегда стараюсь выглядеть весною,
Найти любовь я всё-таки смогла
Средь миллиона не моих историй.

Есть женщины, как танго,
есть, как вальс,
Ах, как непросто быть всё время
в такте,

Мне всё равно, что думают о нас,
Всё суета, пустой кураж на старте.

Есть женщины пустыни, есть дожди,
Но ими мир обласкан и украшен.
Я рядом, ты храни меня, храни
Свою неиссякаемую чашу...

ОТПУЩУ Я ЛЮБОВЬ

Отпущу я любовь
В жёлтый цвет, заглушающий
гордость.
Пусть она не боится
Порывов холодных ветров,
И подарит для всех
Фотоснимки, ушедшие в молодость,
И поможет заблудшим
Найти свой единственный кров.
А как только стемнеет,
Ей снова захочется к дому,
Босоногой беглянкой
Пускай возвратится ко мне.
Над лампадкой души
Улыбнётся ей образ знакомый,
И любовь восстановит
Ушедшие силы вдвойне.
А потом мне расскажет
Про жизнь и про разные встречи,
И как даром в пути
Научилась собой дорожить.
Мы, до самого утра
Ведя бессловесные речи,
Отогреем разлуку,
Что нам довелось пережить...

ОБНАЖАЮТСЯ КРОНЫ ДЕРЕВЬЕВ

Обнажаются кроны деревьев,
Покрываются корни листвою,
Осень нежно поникшие ветви
Раздевает незримой рукой.

Бродит тихо походкой усталой
Каждый день, поправляя наряд.
Рядом с домом цветы запоздало
Фиолетовым цветом манят.

С позолотой уходят сомненья,
Очищается небом вода,
И всё тоньше идут ощущения,
Раздвигая границ берега.

Жаль, за жизнь красоту не измерить,
Грустным клином зовут журавли,
Но всё больше желание верить:
Мир без нас не лишится любви.

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Заморожены окна,
а девочка в старом трамвае
Греет пухлой ладошкой
шершавого инея слой,
Но короткое имя
с теплом слишком медленно тает.
Сколько прожитых лет
пронеслось между ею и мной...

Ровно столько же зим,
отдыханья покрытых туманом,
Где тетрадкой в клетку
оставленный санками след,
Где немеют от стужи
замёрзшие пальцы у мамы.
Навсегда ухожу в белизну
загрязнённых лет...

Рассыпается снег и хрустит
замороженной пеной,
Пахнет воздух с утра принесённым
с мороза бельём.
На трамвайном стекле вновь
читаю короткое: «Лена»
И люблюсь Москвой,
как забытым старинным холстом...

СВЕТЛАНА ОС

Родилась 11 марта 1970 года в городе Полярные Зори Мурманской области в семье военного летчика. В 1985 году переехала с родителями в Курск, где в 1991 году окончила филологический факультет Курского Государственного Университета. В настоящее время живёт в Москве. Сотрудничает с рядом московских издательств в качестве автора стихотворных текстов. Неоднократно была лауреатом и призёром поэтических конкурсов. Член Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века и Творческого Совета МАГИ. Обладатель национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». Лауреат Международного поэтического конкурса «Серебряный Стрелец». Стихи были напечатаны в многочисленных сборниках, литературных альманахах, периодических изданиях в России и за рубежом, переведены на иностранные языки. На некоторые из них написаны песни.

ЛЮБИМАЯ КУКЛА НАСЛЕДНИКА ТУТТИ

Во взгляде её — непробудная осень...
Окликнешь — исчезнет,
ответишь — не спросит.
Застрав меж обычным и необычным,
Слепа, бессловесна, глуха изначально,
С рожденья живёт,
как в сиротском приюте,
Любимая Кукла наследника Тутти.

Пригоршня пластмассы, опилок и лака —
Она научилась смеяться и плакать,
Менять направление и скорость движенья
Нажатием кнопки под стать окруженью —
Живая на вид, неживая по сути
Любимая Кукла наследника Тутти.

Под действием токов, полей и инерций
Надломлен каркас, остановлено сердце,
Грим вышел, одежда давно истрепалась...
И, проще бы, выбросить то, что осталось,
Но всем в недосказке привычна до жути
Любимая Кукла наследника Тутти.

Теряясь в потерях, рассеянность сея,
Она среди всех, как всегда, не со всеми.
Под страхом расправы усвоен Одними
Запрет при Других называть её имя...
Но помнят в Париже,
в Москве и в Бейруте
Любимую Куклу наследника Тутти.

ЧЕРЕЗ ЧЁРНЫЙ ХОД

Проведи меня в зал через мрак и свет,
Через плач и смех, через чёрный ход,
Через гулкие, пыльные skleпы лет,
Промелькнувших и канувших
в свой черёд.

Там, где «Да» или «Нет» тяжелей вериг,
А молчанье разбито на звук и слог,
Что не длится века — умирает в миг,
Что не стало ветрами — ушло в песок,
Что не смоем водой, то сгорит в огне...
Для Прекрасного —

мир и постыл, и мал,
И оно существует не В НЁМ, а ВНЕ —
Отражением мутных кривых зеркал,
Где заведомо лжив амальгамный свод
И витали фантомы пары отрав...
...Проведи меня в жизнь через чёрный ход
К многозвучью слов, многоцветью трав,
В многоликость дней,
многомерность снов,
Где смогу я в начале иных начал
Поменять неизбежность всех основ
На одно крыло с Твоего плеча.

АНАБИОЗ

Под напором гроз и грёз
Гнутся маки и левкой.
Что им твой анабиоз? —
Состояние покоя,
Что им мор и что им пир? —
На обоих не в обиде...
(Если ты не видишь мир,
То и мир тебя не видит).

Мёртвой зоны полоса —
Не награда, не расплата.
Только скрипом — голоса
За чертогу невозврата,
Это — реквием лихих
По затерянным и лишним...
(Если ты не слышишь их,
И они тебя не слышат).

Где-то множит миражи
Линий ломаных и плавных
Тот, кто свой среди чужих
И неравный среди равных.
И горит светило дня
Как алмаз в его короне...
(Проходи, не тронь огня,
И огонь тебя не тронет).

В ЧАС, КОГДА Я УМРУ...

Звуки и краски сна
Призрачны и легки:
То ли твоя струна
Звонче моей строки,
То ли моя строка
Тоньше твоей струны...

Небо несёт река
С Северной стороны.

И за один глоток
Чистой воды живой
Каждый заплатит в срок
Сердцем и головой.
Проданное за грош,
Время замедлит бег...

В час, когда ты умрёшь,
Я замолчу навек.

Будущей долгой тьмой
Прошлым не искупив,
В мире и порознь мы —
Звенья одной цепи,
Только замёрзших рук
Холодом не согреть...

В час, когда я умру,
Ты перестанешь петь.

ПО ОДНОМУ

И приходят тихо... по одному,
И глаза закатывают в тоске,
Да клянутся тем, что виной всему,
Да клянут Того, кто нигде, ни с кем.

То бессильной птицей идут на срыв,
То змеёй сжимаются для броска.
За спиной у них — гарпуны-багры,
За лицом у них — нелица оскал.

Им простые истины — звук пустой,
Им любовь и ненависть — суть одно.
Всё буравят душу кривым шестом,
Всё растят надежды нащупать дно.

То грозят бывшее пустить на слом,
То зовут на смерть к берегам другим.
И бросают камни-слова со злом,
И следят за тем, как идут круги.

Говорят, что в мире ты — только гость,
Говорят, ты — призрак в чужом доме,
И вбивают в веру контрольный гвоздь,
И уходят тихо... по одному.

В СЕРЫЙ ПЕПЕЛ, В БЕЛЫЙ СНЕГ

Заклинали бледной тьмой,
чёрным светом,
Били в бубны до зари, дули в горны,
Создавая, обживая планету,
Что была милее всех рукотворных.

Время медленной рекой уходило,
В мутном небе под ветров акапеллу
Раскалённое каталось светило.
Ослепляло, обжигало... не грело.

И на разных полюсах псевдомира,
Мы, души в своих твореньях не чая,
Истоплённо высекали Кумиров,
В высшей степени за них отвечая.

А случайное, за что не в ответе,
Что негаданно само приручилось,
Мы пытались обращать в снег и пепел.
В серый пепел, в белый снег...
...Получилось!!!

Московский Салон Литераторов

Мос
са
Лит

Когда единица равна миллиону

Ну почему? Почему осенью так хочется ныть и хныкать? Делать вид, что смиряешься с судьбой; ходить, по-стариковски шаркая ногами; пачкать в лужах снятую с антресолей сезонную обувь; забывать дома зонтик; ворчать по утрам на пунктуальный будильник... Осень буквально провоцирует на такие чувства, мысли, поступки, которые в другое время года даже представить себе трудно!

И эта осень не исключение. Едва начавшись, она тут же наложила резолюцию «отказать» на все чаяния и надежды, и классический шизоидный депрессивек уселся на подоконнике, по-хозяйски раздвигая тюлевые занавески.

И всё же... Этой осенью я не могу ему поддаться! Просто не имею права! Причиной чему один очень пожилой мужчина. Когда я раньше шутила, дескать, меня вдохновляют все представители мужского пола от 16 до 80, я не предполагала, что эти возрастные границы придется раздвинуть. Николаю Леонтьевичу — 91. И он именно мужчина, а не старик! До этого я знала только Владимира Зельдина, который в возрасте за 90 способен казаться не стариком. Но Зельдин — артист. Тут — другое.

Николай Леонтьевич Напалков рассказывал мне о войне, о том, что видел и пережил лично. Три дня примерно по три часа, итого девять часов общения. Не так уж и много, но этого оказалось достаточно, чтобы его рассказы стали частью моей жизни.

И вот в радующую депрессивную осень вливаются звуки отдаленной канонады, запахи походной кухни... даже привкус разведенного спирта, выпитого на брудершляфт с небритым лейтенантом, которого убьют раньше, чем успеешь узнать его имя. Судьбы, судьбы, судьбы людей, с которыми я никогда не встречалась; людей, для которых жизнь была не светлой суетой, а ценностью! Больше, чем ценностью: бесценным даром, который так легко потерять, и не когда-нибудь потом от старости и болезней, а прямо здесь и сейчас в расцвете молодости и здоровья...

«Под Кривым Рогом в районе Червоны Зирки... Красивое название, поэтическое; да только не до поэзии, когда от сапога одно голенище. Как идти дальше? Тут медсестре самой скоро будет нужна медицинская помощь! Да уж... Но повезло, нашли старичка сапожника. Посмотрел, покрутил в руках жалкие останки незамысловатой обуви.

- Ладно, к утру сделаю.

Весь полк одну сестричку ждать не может, ну да ничего, она налеге, да в починенных «черевичках», догонит. Договорились, где её ждать, прощаться не стали, совсем ведь ненадолго же.

Ночь прошла в походе, с обычными для этого дела заботами. Бомбёжки не было. Тихо. И из раненых никто не умер. Хорошая ночь, спокойная. Только утром нет нашей сестрички. Все сроки уже вышли. Ждали, сколько могли, даже чуть больше. И на следующей стоянке ждали, всё думали, вот-вот прибежит. О дезертирстве не могло быть и речи, слишком хорошо её знали, и, как говорится, не один пуд соли вместе съели, как родная уже всем стала. Что могло случиться? Ну что?

Об убитых иной раз не так горевали. Там хоть всё понятно. стакан водки куском чёрного хлеба накроешь, и всё отчаяние в эту горячую жидкость, как в живую-мёртвую воду... и живую и мёртвую — в одном флаконе. Война есть война. А тут каждый день надежда. Вот-вот голос знакомый: «Наконец догнала! Со своими-то и воевать легче!» — и снова проворные пальцы начнут бинтовать раны, ласковыми прикосновениями облегчая боль, снова мягкий голос с простотой и волнующей шуткой то к раненым, то к врачам; а когда падаешь от усталости, рука на плечо: «Пойди поспи, я сама тут...» Снова рядом она, надёжная и весёлая, и крепким словом приложит, если надо, при ней не забалуешь, и папиросы неведомо где раздобудет, когда свои кончили.

Только нет её и нет... Нет, как и не было.

Но она была.

И встреча, такая долгожданная, мнящаяся радостной, состоялась. Вот только... радости в ней не было.

«Мы её встретили под Одессой. Под конвоем. Как военнопленную.

В залатанном сапоге с утра пораньше пошла за своими, да чуть в сторону взяла, сбилась с дороги, попала к немцам. В плен. А кто в плену был — тот, по партийной идеологии того времени, предатель. Как только из немецкого плена освободилась, так в другой — уже советский.

Присили мы её нам отдать, мол, наша она, ручаемся... Да разве же отдадут! Встретить-то встретили, да что толку!»

Николай Леонтьевич долго молчит, видимо вспоминая эту долговязую, но безрасточную встречу, тербит пальцами край книги, на полях которой пометки, чтобы, когда я приду,

не забыть рассказать о чём-то, что сейчас живо только в его памяти. В книге-то общие факты: наступления, потери, названия полков и дивизий — так сказать, сведения исторического масштаба, а вот рваные сапоги... В учебник истории они не войдут. Да и решающего значения для обстановки на фронтах не представляют, но...

Случай... Что же такое «случай»? Только случай, если бросить монетку. Случай — уже обстоятельство, если он повлёт за собой событие. Случай — судьба, если от него, как от камня на развилке трёх дорог, расходятся пути... Даже в нашей, относительно мирной, жизни как часто всё могло бы пойти совсем по-другому, если бы не случай, не какая-нибудь мелочь. А уж на войне! Мелочи? Да что это вообще такое, если из них-то и складывается жизнь? Цепочка событий, нанизываясь, как бусы на нитку, приводит одного к богатству, другого — к позору, третьего — к смерти. Хорошо, когда можно понять причину, основу, подоплёку! Хорошо, потому что тогда возникает хотя бы иллюзия, что человек сам что-то решает; если не делает судьбу, то хоть как-то на неё влияет. А если вместо причины слепой случай, мелочь, простейшая вещь, например порвавшийся сапог или не вовремя разведённый костёр?

Она была на фронте всего несколько дней, молодая фельдшерша, только-только получившая диплом. Ещё скучала по дому, никак не могла привыкнуть к походному быту, краснела от мужских грубых шуток, не успев превратиться из студенточки-выпускницы во фронтового медработника.

- Товарищ капитан! На ДОПе ни черта нету. — Старшина вернулся из дивизионного обменного пункта, где получали питание и боеприпасы.

- Так ты совсем ничего не привёз?

- Да привёз... муку и молоко...

- Вот т-те обед... муку молоко запивать или молоко мукой заедать?

Мужчины посмеиваются, но явно растерялись, а у неё бешено и радостно заколотилось сердце. Вот сейчас она по-настоящему сможет быть полезной. Это же просто... звёздный час! Как у медика опыт у неё не бог весть какой, зато на кухне ей нет равных, мама всегда удивлялась, как ловко и вкусно у неё получается самое простое блюдо. Даже когда особо не из чего, как говорится, «суп из топора» и тот выйдет на славу.

- Так давайте я блинчики сделаю! — предложила на выдохе, боясь, что вдруг не разрешат.

Мужчины переглянулись. Почему бы и нет, блинчики-то куда вкуснее, чем мука с молоком. Повезло им с фельдшершей! Сообразительная! Развели костёр... Только одного не учли: линия фронта по реке и немец на западном берегу, на высокоом, ему далеко видно. А дымок от костра разве что слепой не заметит...

Блинов много, на всех хватит! Пенёк вместо стола, канистры — табуретки. Сели. Хорошо сели. Есть начали...

- Ложись! — кричит капитан и с канистры на землю.

Это последнее, что она успела заметить: бросающийся наземь капитан, военврач Николай Напалков и блинчики, аппетитные, с пылу с жару, — блинчики на пенёке.

Снаряд разорвался прямо у неё за спиной. Через секунду капитан загасил её в окоп, сразу оценив тяжесть ранения, перебинтовал прямо поверх одежды. Старшина достал повозку, повёз в медсанбат. Только бы больше не бомбили, только бы успеть!

Вернулся к вечеру. По глазам было уже понятно, но всё же:

- Ну как? Довёз?..

- Довези-то довед, но что толку. На операционный стол только положили, тут и умерла... Испекла блинчиков...

Когда-то давно я очень удивилась фразе одного священника: «Если речь идёт о человеческой душе, то количество не имеет значения. Для Бога тысяча, миллион душ не больше и не меньше одной единственной!»

Я долго этого не понимала, ведь на первый взгляд абсолютный абсурд: как это миллион может равняться единице? Ну, ещё ноль — бесконечности, можно теоретически допустить, так как ни того, ни другого в полной мере человеческий разум не понимает, но один — миллиону? Потом я нашла близкую ассоциацию. Когда любишь человека (мужчину, ребёнка), никакие миллионы других, объективно лучших, его, одного единственного, не заменяют! Но в любви закон обратный: единица больше миллиона. Тоже абсурд с точки зрения логики, но эмоционально понятно.

Слушая рассказы военного врача, я вспоминаю и начинаю осознавать по-новому фразу священника: ОДНА ЖИВАЯ ДУША НЕ БОЛЬШЕ, НО И НЕ МЕНЬШЕ МИЛЛИОНА!

Алёна Чубарова

Поэтесса, прозаик, режиссер, актриса, драматург. Художественный руководитель театра «КомедиантЪ», член МСП «Новый современник», член Московского Салона Литераторов.

Когда вопросов больше, чем ответов; когда сны объемнее реальности; когда всё придуманное вдруг оживает и становится судьбой, разве можно при этом не стать писателем или актрисой? А если и тем, и другим, да ещё и режиссёром... и при этом оставаться женщиной? Признаюсь честно — тяжело. Но этот выбор был сделан будто не мной, а если и мной, то задолго до рождения.

На сегодня издано шесть сборников стихов, пять сборников пьес, множество публикаций, спектаклей, выступлений... Но и сейчас, как много-много лет назад, когда впервые решилась прочесть написанное вслух, ощущение, что самого главного ещё не сказала! А может, Самое Главное и невозможно ни написать, ни поставить, ни сыграть?.. Главное всегда останется между строк; в слезах, скрытых за улыбкой; в слабости, спрятанной за уверенностью; в бесконечном «прости и помилуй», растворённом в светлых буднях. Люблю людей и тишину. Но людям не свойственно молчать, а тишине не хватает человечности... Наверное, поэтому в пьесах так люблю волшебное слово «пауза».

«Романтический герой» и несправедливость

Женщины стоят в стороне,
и должны стоять в стороне.
Мы должны помогать им
в их прекрасном мире,
чтобы наш мир не соделался еще хуже.
Джозеф Конрад

В каждом романтике умирает циник.

В каждом цинике спит романтик.

Циник, прорвавшийся из романтика, — скептик.

Романтик, проснувшийся в цинике, — эпикуреец.

И тот и другой Женщину по-своему любит, по-своему ненавидит, но некоторым образом может с ней взаимодействовать. И хотя один, скорее, исследователь, а другой — игрок, но помочь Женщине в её прекрасном мире на самом деле не так уж и сложно...

Что же касается «Героя», адресата большинства женских лирических стихов, то тип этот не столько помогает Женщине, сколько распялывает её воображение, становясь на время волшебным зеркалом, в котором она видит туманный образ своей мечты. А затем он исчезает, прячется, например, в свое однокомнатное бомбоубежище, оставляя зачарованную подружку у порога. С одной стороны, за её спиной разрываються бомбы её собственных иллюзий, с другой — запертая дверь, за которой ей не только нет места, но для пушей убедительности крупными красными буквами написано: «Посторонним вход воспрещен! Обед! Учет! Выходной круглосуточно!»

И после всего этого типичный «романтический герой» ждёт, что Женщина, просясь от восторга, закричит, что именно этого она всю жизнь и ждала... Конечно, страсть Женщины к спасению утопающих безгранична! Особенно если тонет мужчина не слишком преклонных лет, и не в каком-нибудь «море-окияне», а в недостатке эмоций. Тут Женщину хлебом не корми — дай совершить подвиг. Расчет ювелирный. Однако и целая спасательная команда не спасет того, кто спасаться не хочет. Правда, и тонуть он тоже не хочет... Его вполне устраивает промежуточное состояние. Женщину же по природе своей стремится к завершенности и определенности: либо вместе ко дну, либо вместе на берег. В её Женском (прекрасном) мире оттого и прекрасно, что двусмысленность там всегда — действие, но никогда не результат. В Его же мире «Женщина» и «Смысл» — понятия вовсе не совместимые.

Таким образом, все, что Он знает о Женщине — слишком много для Него и слишком мало для Ней. Все, что Женщина знает о Нем, не воспринимается им как объективная реальность.

«Настоящая любовь» Его всегда «еще не посетила» и, видимо, никогда уже не посетит. Влюбленности же, как голодные собаки, хватают за ноги на каждом шагу.

А Женщина... Она в жизни такого героя находится где-то между влюбленностями и собаками.

Когда за Ней ухаживают другие мужчины, Она тут же вспоминает о Нем, предвкушая, как расскажет ему подробности, в надежде пробудить хотя бы ревность. Он же, встречаясь с другими женщинами, о Ней благополучно забывает. Зато вспоминает каждый вечер перед сном, когда, выбирая между футболом, эротическим детективом и теплой ванной, засыпает раньше, чем понимает неактуальность всех этих желаний.

Она видит Его во сне систематически, а то и постоянно. И если вдруг Он ей не снился, срочно звонит и требует встречи наяву. Он чаще всего спит без сновидений. Зато если такое вдруг случается, — это забываемая ночь с молодой незнакомкой, а лучше сразу с двумя. После такой ночи, просыпаясь, он понимает, что встречаться с Ней в ближайшую неделю уже не стоит. Если бы он видел сны чаще, они бы не встречались вообще...

Однако...

Однако именно этот тип мужчины чаще всего заставляет Женщину страдать, писать стихи, совершать безумства и подвиги. Зная ли он заветную кнопку, тайную струну или подобрал волшебный ключик? Но нам так сложно противиться наваждению... Да-да, это несправедливо, это ужасно несправедливо, ибо есть другие мужчины, гораздо более достойные, заслуживающие любви, способные ее не только понять, но и принять, и даже на нее ответить. И за таких мужчин мы иногда выходим замуж, но стихи чаще пишем все-таки не им...

Мария Панфилова

Поэт, член Союза Литераторов России, Литературного клуба «Подвал №1» и Московского салона литераторов. Родилась в Москве в 1972 году. Окончила Московский математический техникум. Вышла замуж. Родила сына Николая. Окончила МГОПУ им. М. А. Шолохова, художественно-графический факультет. С 1999 года участвует в жизни Литературного клуба «Подвал №1». С 2008 года в Союзе литераторов России. Публикации в альманахе «Словесность», в газете «МОЛ». В 2010 году вышла книга стихов «Кистепёрая рыба Любова».

Пойдем по городу побродим.
Ненастный, сумеречный час.
Негромких уличных мелодий
Пополним золотой запас.

Ты мне чего-нибудь расскажешь —
Такая старая игра,
Когда значенье слов неважно...
Озноб. И страшная жара, —

Мы сквозь неё — до поворота...
И нас оставят, погода,
И ветра пьяная икота,
И расточительность дождя...

Эта — словно живая — мгла
Навалилась лиловой тушей
На ростки ледяного стекла
Под ногами по краю лужи.

Острые моего копы
Заржавелое и тупое...
С безнаказанностью Соловья
Я пою, воротаясь из боя.

Прощай, букет муската тонкий!
Кой черт опять меня несет?
Я душу заливал зеленкой,
Пускайся в мартовский поход.

Не дальний темный полустанок
Меня сквозь пропасти манил —
Бумажный лес и спозаранок
Переливание чернил
Не из порожнего в пустое —
Из ниоткуда в никуда.
Тетрадка шевелит листьями.
Гори, гори, моя звезда!

От метро — пять минут.
И метель языком по лицу...
Я бреду бечевой, утопая
в сугробе-верлибре.
Молодой воробей,
как упитанный серый колибри,
Собирает нектар и сбивает
снежинок пыльцу...

Нынче Гайдн. Начало недели.
И слегка разбавляет мороз
Запах Ниццы в бетонном тоннеле
Над охапкой поблекших мимоз.

Запах бледный, и нищий, и тонкий.
И надрывный скрипичный фальцет.
И смущающий взгляд Незнакомки
В этом будто знакомом лице...

Доверяя чутью,
Без дороги, без всякой тропинки,
По сухому ручью
Перекатывая песчинки,
Там где мальчик играл,
И барашки под дудочку пляли,
Ветер к дому шагал,
Волоча по земле крылья...

Мария Панфилова

* * *

На моем подоконнике корчились листья.
А на автоответчике кончились мысли.
А на автопогрузчике — сбруя и вожжи.
Весь тираж Домостроя
застрял на таможене.
Восхитительно пьян ветер
в синих погонах.
Он бодал, он гонял десять строк
по вагону.
Десять кликов.
На коврик серый мышонок.
Электрический пёс, по e-mail хорошо нам
Поделить костный мозг
и вспороть окончания,
Упиваясь до боли молчаньем.
Молчаньем.

Осень

За бездорожье и печаль в ответе,
Лежит Она, напившись тишины, —
Царевна мертвая в оранжевом жилете,
Застиранным к зиме до белизны.

* * *

Мы с тобою вместе испытали
Наслаждение наивысшей пробы:
Медленными мерили шагами
Сад почти растаявших сугробов.

* * *

В лунное чудесное лицо
Вечер преданно глядит арапом.
Джазовой тягучей хрипотцой
И разнежен он, и расцарапан...

Логика холодного луча
И преображается, и тает
В комнатах, где сонная печаль
О любви вполголоса читает.

* * *

Дворик в цвету вишнёвом
Словно не городской.
Дворник в кафтане новом
Бродит, скребет метлой...

С невозмутимостью Будды,
С полуулыбкою рта.
А лепестки — повсюду.
А на душе — Пустота.

* * *

Томились в небе облака
Ломтями нежного бекона,
И — тут же ливень клокотал,
И град обгладывал балконы...

Нельзя сказать: “Стоял июль” —
Он время и пространство рушил.
Пустую песенку мою
Он наполнял вином из лужи.

Могу сказать: “Пишу стишки...”
Смешно. Да и неблагодарно.
Стрижи на проводах — флажки
На нитях в воздухе янтарном...

* * *

У полыньи, у края парка,
Ловлю на vareжку свою
Зеленогрудую русалку.
Ловлю и песенку пою...

Великолепна и уныла,
Переливаясь надо мной,
Луна — белеющий обмылок
Или осколок слюдяной.

* * *

Прёт зелёная брага
На весеннем пиру.
Всё в порядке собака
Хорошо точка вру.
Время знай себе лечит.
Колокольчик по ком?
Что молчишь, человек?
В горле ком...

* * *

Обнажит коготки календула,
Прах оранжевый откружит...
Календарное лето следует
Проводить где-нибудь в глуши,

Вдалеке от прелестных умников:
Кто мошенник, а кто фигляр...
Слышишь, мучает скрипку «уникум»,
Разложив на земле футляр.

У прохожих в глазах смятение.
Заметаёт мелочь песок...
Но дыра в груди не смертельная,
И портвейн на губах не обсох...

* * *

Счастья нет. Таков обычай.
Вот и дело к сентябрю.
Кто со дна подругу кличет?
Молча в воду посмотрю:
Мертвая или живая...
Озирая берега,
В небе тихо проплывает
Ангел моего врага...

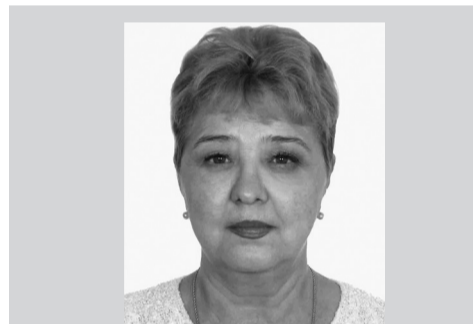
* * *

На дне реки, на вечере реки
Русалочки гуляют косяки
И рыбины с латунными глазами.

А я одна на берегу стою,
Оплакивая молодость свою,
Как будто сирота вся Казани...

На дне реки, на вечере реки
Закат всё тот же, те же рыбаки
Не знают мысли ни большой, ни мелкой.

Открыв коробочку “Любовный антидот”,
Русалка, угостив меня, кладёт
Жемчужную за щёку карамельку.

Ольга Уваркина

Родилась и живёт в Москве. Окончила Московский институт электронного машиностроения. Пишет стихи различных жанров и короткие рассказы. Была неоднократным победителем в различных сетевых конкурсах.

Публикации: альманахи «75 лучших строк - выпуск 2», Рязань, 2005, «Венок Есенину - выпуск 4», Рязань, «Признание в любви», Рязань, 2006, «Мой Петербург» Рязань, 2006, «Вы нам не лгали», Рязань, «Неизвестная Россия» (№2, №4), Москва, 2006-2007; сборник рассказов «Сны на завтра», Рязань, 2006; «Золотой» и «Серебряный» поэтические сборники, Санкт-Петербург, 2008, 2010; сборники стихотворений «Однословный многорифм» Москва-Торопец-Бремен, 2008, изд. «Арфа» - «Пульс-2», «Пульс-3», Москва, 2009, «Свыше нас свет посетил», Москва, 2010; газета «Школьник», изд. ООО «Издательско-творческий остров СЕМ-РИК», 2010.

На тексты некоторых стихов написаны песни для авторских альбомов.
Член МСП «Новый Современник», член Московского Салона Литераторов.

Из цикла «Потеря»

*“По капельке, по горькому зёрну,
Птицею,
в мёртвом городе
зимующей,
Избываю сроком свою вину.
Биться ей —
Сколько с болью
проживу ещё...”*

О чём мы спорили тогда,
До хрипоты, до срыва?...
Кивала крикам в такт Беда
С улыбкою ленивой...
В углу притихшая, как мышь,
С бесстрашьем аксакала,
Она считала свой барыш,
Предвидя боль финала...
Тот день был, помню, — выходной
(Да... Одному — на выход...),
И скрипнуло петлёй дверной
Проснувшееся Лихо...
Ты дверью хлопнул, уходя
В последний раз из дома
В объятья ветра и дождя,
Обидою влекомый...

Ревела музыка, как вой
Чертей из преисподней...

Ты был поранен, но... живой,
Такой, как я...
Сегодня...

* * *

Мир, накренившись,
вдруг располовинился,
сместив и сжав свои земные оси...
И нет тебя нигде, куда ни кинусь я,
не позовёшь, окликнув, и не спросишь...

Повисло имя криком в невесомости...
Взорвался мост от Альфы до Омеги...
И замерли на миг земные скорости
И — световые — задохнулись в беге...

Всё, что до той минуты было значимо
В моей судьбе, я б отдала, не споря...
В уме неразрешимую задачу
Звенела боль вселенская в миноре...

И, испивая чашу горя досыта,
Осознавая смысл memento mori,
На ночь одну просила я у Господа
Отсрочить исполнение приговора...

Принять покорно сердцем
невозможное —
Непостижимо!
(Как не быть нам вместе?)...

Молила Бога выдать подорожную,
Ещё надеясь, что мой сын воскреснет...

Ожидание

Снова утро...
Свет неясный брезжит,
Переливом органзы
играя...
Я тебя люблю и вспоминаю
Каждую минуту
и - не реже...
Даже,
если
иней в окнах стынет
И рассвет —
не золотой черешней,
Всё равно — живу одной
надеждой...
Мне вовеки ожидать отныне...
Пусть
однажды
мир
перевернётся,
Время
и пространство
станут бездной...
Я во встречу нашу верю -
Честно...
Безрассудно...
и без лжеэмоций...
Лишь гора не сходится
с горою...
Отчего
в бессонной полуночи
Среди других
я голос твой,
сыночек,
Слышу очень явственно...
порою?..
Не зовёшь...
Хоть головой убейся...
Загулялся
До поры рассвета...
Так
душа твоя
блуждает
где-то
В перекрестье всех миров
и версий...
Ищущий и ждущий да —
обрящут...
Материнским сердцем свято верю...
Жаль —
недавно поменяла двери...
Ключ найдёшь...
открой почтовый ящик...

Моя Судьба

Разорвалась на тысячу осколков,
Искрясь стеклом гранёным, на лету...
Эх, жизнь моя, прожитая без толку!
Я бережно осколки подмету.
Темно и пусто. Фонари разбиты,
И тихо исчезают миражи...
Душа сочится раною открытой...
Жгутым, Господь, её перевяжи!
Мой крик и шёпот тонут в вязкой бездне.
Вердикт Судьбы — безжалостный палач.
Мгновение, замри и вновь — воскресни,
И линию судьбы переиначь!..
Опять назад, на дыбу иль на плаху,
Забыв себя в смертельном вираже...
Но... над крестами песнь щебечут птахи,
А души милых с Господом уже...
Не склеить, не сложить, начав сначала,
Но на коленях пагубно грешить.
Наверно, я Судьбе не всё сказала,
Коль теплится хоть часть моей души.
В пространстве задержалась ненароком,
Свечою одинокой на юру.
Глядит с небес всевидящее око,
Благословляя новый путь в миру...

Звезда своя

Что где судьбою уготовано,
Гадать не нам...
Есть бедолаги и фартовые,
А жизнь — война...
Она, порой, идёт незримою.
Кто в ней стратег -
Тебя назначит прачкой, прямою
И — для утех...
Клубок Фортуны тихо скатится
В земной предел.
На небесах рисуют матрицу
Для душ и тел...
Пари-твори, пока отпущено,
И не ропщи,
Когда темны мирские кущи, но
Надёжен шит...
Нам не постигнуть откровения,
Где Бог — судья.
Для бездаря, ловца и гения —
Звезда своя...
Дышит легендами
звёздная даль
Дышит легендами звёздная даль...
Млечности вечной размыты границы...
Сказка жива, но не сыщешь следа
Милого с детства отважного принца,
И не найти изумрудный Грааль...
Каждой Луны возрождение — отсчёт
Новой ступени ... И время, как пряха...
Заяц в агатовой ступке толчёт
Там панацею от старости дряхлой
Тридцать веков... Сколько будет ещё?..
Грёзы о жизни нетленной земной...
Взглядом на небесную твердь упираться,
Верю, за краем и там, где темно,
Двери сокрытые звёздного рая —
Жизни волшебной, манящей, иной...

Дышит легендами звёздная даль

Дышит легендами звёздная даль...
Млечности вечной размыты границы...
Сказка жива, но не сыщешь следа
Милого с детства отважного принца,
И не найти изумрудный Грааль...

Каждой Луны возрождение — отсчёт
Новой ступени ... И время, как пряха...
Заяц в агатовой ступке толчёт
Там панацею от старости дряхлой
Тридцать веков... Сколько будет ещё?..
Грёзы о жизни нетленной земной...
Взглядом в небесную твердь упираться,
Верю, за краем и там, где темно,
Двери сокрытые звёздного рая —
Жизни волшебной, манящей, иной...